

Александр Иванович Казинцев – один из самых ярких публицистов в современной русской литературе.

Десятилетия его творческая судьба связана с журналом «Наш современник». Именно на страницах этого издания опубликованы главные книги писателя, в которых он непредвзято, максимально объективно анализирует период «новейшего смутного времени», который переживает Россия со второй половины восьмидесятых годов прошлого века, и по сегодняшний день. В статьях Александра Ивановича удивительным образом совмещается его литературный талант (яркий, индивидуальный) с талантом академического аналитика. И совмещение это очень органично, естественно. Потому-то десятилетия его труды с таким интересом читаются уже не одним поколением патриотов. Я из их числа.

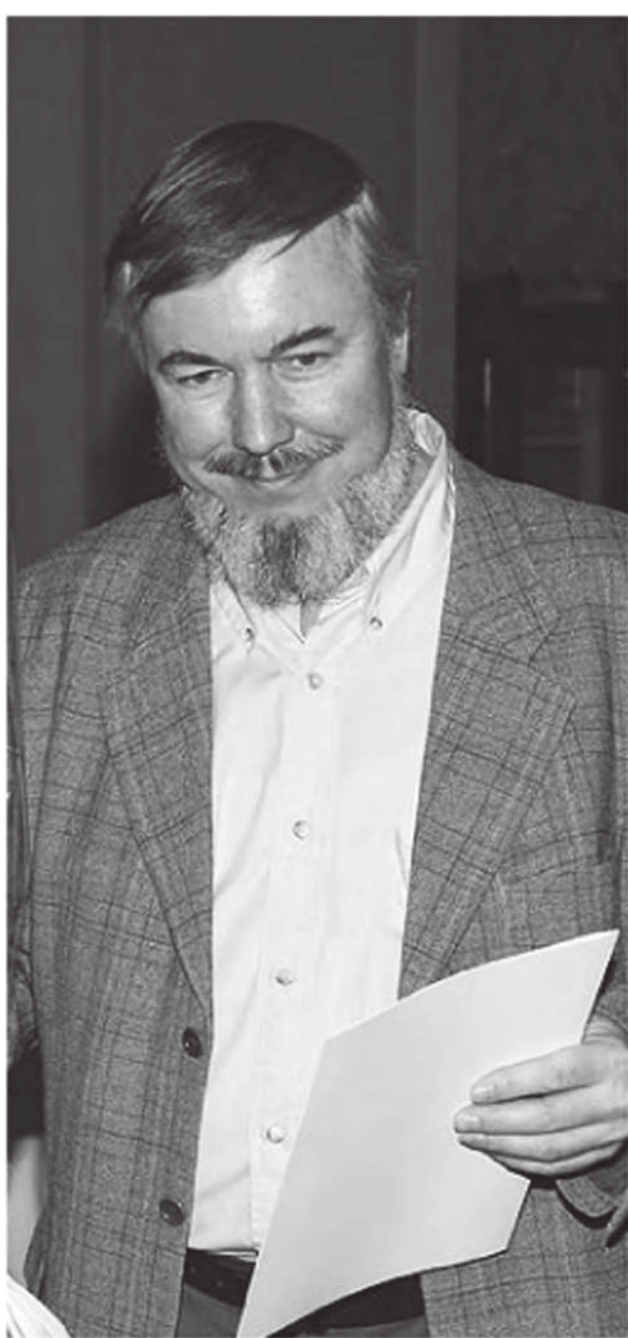
Начало этой беседы, окончательный текст которой я теперь предлагаю нашим читателям, состоялось на побережье Белого моря в поморской деревне Лопшеньга, что в Архангельской области. Завершение же её прошло в Москве, в редакции родного для Казинцева «Нашего современника».

В Лопшеньгу наша писательская делегация (а в её составе были известные литераторы – Владимир Личутин, профессор Литературного института им. М. Горького Владимир Смирнов, Гарий Немченко, Юрий Пахомов, Владимир Артамонов, Михаил Попов...) приехала на литературный праздник, посвящённый памяти Юрия Казакова. Эта поморская деревня была одним из любимых мест писателя. Отсюда он много путешествовал по берегу Белого моря. Тут ему хорошо работалось. Именно в доме на берегу моря он написал целый ряд рассказов и очерков.

Вот и мы с Александром Ивановичем Казинцевым поддались очарованию этих мест, а потом и творческой атмосфере от прошедших встреч, и заговорили о насущном – современном литературном процессе. Тема обширнейшая, и потому сразу закончить беседу не удалось. Окончание её перенесли до встречи в Москве.

Такова вкратце предыстория этого разговора.

Валерий СДОБНЯКОВ: В 2016 году “Наш современник” отмечает 60-летие. Вы работаете в журнале 35 лет — более половины этого срока. Застали не только В. Распутина и В. Белова, но и Г. Троепольского, В. Солоухина. Что за атмосфера царил в редакции в начале 80-х годов прошлого века? Ведь это были такие разные люди — разные характеры, пристрастия, мировоззрения. Как же их удавалось объединить на страницах “Нашего современника”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да уж характеры были! Взрывной, не признающий авторитетов Виктор Астафьев и сдержанный Гавриил Троепольский, который морщился от громогласных заявлений. Певец и идеолог крестьянства Василий Белов и публицист Иван Васильев, сам выходец из крестьян, подозревавший, однако, односельчан в частнособственнических настроениях — в прямом соответствии с марксистской догмой. Я помню, как они собирались на ежегодную редколлегию, рассаживались за огромным столом в кабинете главного. Самые языкастые Астафьев и

Евгений Носов нарочно садились в разных концах и постоянно “катали” друг другу остроумные реплики и увлекательные, подчас непечатные байки. Подчёркнуто, в удовольствие окая, вставлял слово Владимир Солоухин. Распутин и Белов сидели тихо — младшие по возрасту. А сухенький Троепольский, похожий на учителя дореволюционной гимназии, со стопкой журналов, сплошь проложенной закладками, недовольно постукивал по столу тонко отточенным карандашом, ожидая, пока утихнет гам.

В. С.: Но ведь сидели-то вместе!

А.К.: Во-первых, тогда ещё не знали политической борьбы. То, что вскоре станет политической позицией, не совместимой с другими, являлось всего лишь частным мнением. Чтобы снять напряжение, достаточно было похлопать собеседника по плечу: “Ну, брат, ты загнул!”. Во-вторых, — и это главное — всех объединяла русская тема. И даже так: русская боль. Сергей Викулов, возглавлявший журнал в 70 - 80-е годы и превративший “Наш современник” в знамя национального движения, не был интеллектуалом и даже безупречным художественным вкусом не обладал. Но как никто другой чувствовал боль и надежды русского человека и этим чувством русского сумел объединить очень разных и очень талантливых людей.

В. С.: Кто из писателей того периода был для вас наиболее интересен? Я имею в виду не только авторов “Нашего современника”.

А.К.: В молодости мне посчастливилось познакомиться с Арсением Тарковским, последним поэтом Серебряного века, другом Анны Ахматовой и Марины Цветаевой. Беседы с ним о поэзии, музыке, о его великих современниках, которые представляли не авторами из хрестоматий, а живыми людьми, существенно расширили мой кругозор.

Огромное влияние на меня оказало творчество и сам образ Василия Шукшина. В юности я не читал современную русскую литературу. Знал о существовании цензуры и был убеждён: она вымарывает всё правдивое и живое. Читал Бёлля, Камю, Сартра, латиноамериканских магических реалистов и не подозревал о существовании Шукшина, Распутина, Белова. Переломным стал просмотр фильма “Калина красная”. Увидев лицо Шукшина, я понял — это брат мой! Он так же смеётся, так же печалится. И ещё — почувствовал: я русский. Никогда об этом не задумывался, а тут ощутил всем существом. Потом, став литератором, поездив по стране, узнал, что такие же чувства “Калина красная” вызвала у многих людей — от академиков до колхозных механизаторов. Я заинтересовался Шукшиным. Оказалось, что

он не только актёр и режиссёр, но и писатель, член редколлегии “Нашего современника”. Так я познакоился с журналом, а когда окончил аспирантуру МГУ, пришёл работать в редакцию.

Главное впечатление в “Нашем современнике” — Валентин Распутин. Самый обаятельный, самый деликатный, самый талантливый из всех, кого я знал. Он писал о деревне, как и большинство авторов журнала, но не так, как все. У писателей “деревенской прозы” человек дан в народном коллективе, “эпическом хоре”, если воспользоваться определением выдающегося теоретика литературы Георгия Гачева. Герой Распутина выделился из коллектива. Либо выпал из него, как Андрей и Настёна в “Живи и помни”, либо коллектив, не выдержав испытаний, распался, как в “Прощании с Матёрой”, где Дарья, олицетворение родовой мудрости, чувствует себя брошенной, никому не нужной. Вот этот болезненный слом, отражающий переломный характер времени, делает судьбы героев Распутина особенно драматическими и по-особому трогает душу.

Как видите, на меня влияли писатели, представлявшие разные, даже противоположные традиции. Тарковский, к примеру, до обидного несправедливо отзывался о Есенине: “Поэт для таксистов”. Кто-то увидит в таком перекрёстном влиянии недостаток, ущербность: “Не до конца наш”. Я же считаю эти различные влияния залогом плодотворного развития. Идя в “Наш современник”, я видел альтернативный путь. Постарался взять лучшее из другого “лагеря” и сделал выбор сознательно.

К сожалению, многие приходят к патриотам просто потому, что не знают, куда пойти. А многие, скажем честно, потому, что так называемые “либералы” их к себе не пустили - из-за низкой культуры, как правило. Такие “союзники” резко снижают художественный и интеллектуальный уровень патриотики. К тому же они нестойки: их выбор не был сознательным. Убеждён, патриотизм — это не “культурный собес”, куда прибываются все сырые и убогие, это высшее проявление духовных и интеллектуальных сил человека.

В. С.: Вы начинали как критик. Много писали о русских классиках. Я помню ваши статьи в журналах “Москва”, “Наш современник”. Они выдавали в авторе человека, склонного более к академическому, спокойному и углублённому анализу литературного процесса, чем критика, стремящегося “засветиться” в обсуждении произведений текущей литературы, о которых говорят все. Хотя и подобных обсуждений вы никогда не избегали. И всё-таки, не эта ли ваша основательность, погружённость в мир отечественной классики была причиной, что вас пригласили работать в самый русский литературный журнал?

А. К.: Полемической энергии, Валерий Викторович, мне всегда хватало. Сергей Сергеев, бывший главред журнала “Москва” вспоминал, как он познакомился с моим творчеством: прочитал статью “Простые истины” (это 1983 год), где я спорил с дюжиной критиков одновременно и вышел победителем! Другое дело, что и тогда и особенно сегодня темперамент у нас путают с крикливостью. Тут, конечно, вне конкуренции телевидение: кто громче всех орёт, тот и прав. Но и литераторы стараются не отстать. В самом начале моего пути я высказался о подобной манере, напомнив коллегам, что критика — не драка, а диалог. Именно так я озаглавил статью, опубликованную в “Литературной газете”.

Такая позиция оказалась близка выдающемуся русскому критику и мыслителю Вадиму Кожинову. Вадим Валерианович поддержал меня в начале 80-х и рекомендовал в “Наш современник”. Позднее в предисловии к моей книге “Россия над бездной” Кожинов подчеркнёт: “Злободневность, постановка самых животрепещущих проблем сочетается в его произведениях с широким пониманием всего исторического развития России и мира”.

Вадима Валериановича самого не раз обвиняли в академичности, суховатости манеры. То было внешнее впечатление. Кожинов писал обстоятельно и доказательно, но сама постановка проблем в его статьях была революционна, а зачастую и провокативна. Его работы о славянофилах, о Достоевском вызвали оживлённые дискуссии, а в последнем случае и крутые оргвыводы ЦК.

И последнее — о полемичности и академизме. Раскрою секрет: и Кожинов, и я начинали как поэты. Вадим Валерианович стихов никогда не публиковал, а меня недавно соблазнили главреды “Юности” и “Дня поэзии” В. Дударев и А. Шацков, образовавшие нечто вроде тайного общества по “воскрешению” поэта Александра Казинцева. Поэтическая закваска ощутима в наших с Кожиновым статьях. Разумеется, у критики свои законы: она убеждает не эмоциями, а рациональными аргументами. И всё же... Из всех моих литературных премий я более всего горжусь премией имени Николая Гумилёва. Я получил её за статьи. Статьи, одушевлённые поэзией.

В. С.: В 1987 году вы становитесь заместителем главного редактора “Нашего современника” и с этого времени полностью погружаетесь в публицистику. Скажите, вы лично и те авторы журнала, что встали на защиту Отечества, уже тогда видели, что весь этот разгул “демократии” может привести к развалу государства? Что же выходит - русские писатели не смогли найти те слова, которые убедили бы народы нашей страны остановиться у пропасти?

А. К.: Вспомните “Пожар” Валентина Распутина. Повесть-предупреждение, проецирующая бедствие районного масштаба на всю страну: “Горит, горит село родное, горит вся родина моя”. “Наш современник” напечатал “Пожар” в последнем номере 1985 года. Успел к началу перестройки. Вспомните “Письмо писателей” — его организовал и опубликовал наш журнал. Тысячи людей подписали протест против разрушительных перемен. Явление в России небывалое!

Почему же этот текст — в отличие от чешской “Хартии-77”, от документов польской “Солидарности” — не стал поворотным? Почему не уберегли от распада выступления Белова и Распутина на съезде народных депутатов? Доказательные статьи В. Кожинова, И. Шафаревича, К. Мяло, Г. Литвиновой, Ю. Бородая, А. Проханова?

Со словом всё было в порядке. Непорядок был с обществом. Оно фрагментизировалось, распалось на группы. “Архаровцы” — их первым заметил и отобразил в “Пожаре” Распутин. Понятно, не они планировали и проводили перестройку. Но они стали одним из её ударных отрядов. Порождение человеческого дна, хищники мелкого калибра. Пройдитесь по улицам небольших городов и деревень: до сих пор у заборов стоят грузовики со спущенными шинами, раздербаненные трактора — всё, что успели растащить с заводов или колхозов. А как вам распиленные ракеты в качестве резервуара для полива огурчиков? Каждый хапал, что мог! Смутьей воспользовались миллионы.

Вторая группа — цеховики, хозяева подпольных фабрик. Они рвались отоварить колоссальные суммы, скопившиеся в их руках. Купить “заводы, газеты, пароходы”. И эти своего добились!

Ещё одна группа — номенклатура. Да, те самые люди, кто призваны были отстаивать государство и социалистическую идею. Эти изменили первыми! Пытались превратить СССР в конфедерацию, передав власть в руки местных элит, а потом и вовсе развалили Союз. Вот на ком главная вина!

И наконец, самый широкий круг — ротозей. Случайно ли именно в 80-е годы приобрела невиданную популярность глуповатая песенка из мультфильма:

Прилетит к нам волшебник
В голубом вертолёте
И бесплатно покажет кино,
С днём рожденья поздравит
И, конечно, оставит
Нам в подарок пятьсот эскимо?

Детскую песенку распевали взрослые. И не просто пели — ждали халявы: бесплатного кино, подарков, праздника нон-стоп. Эти следили

за разрушением Союза, удобно устроившись в креслах перед телевизором. Депутатов, витийствующих на съезде, оценивали как персонажи другой популярной песни (на песенном материале тех лет диссертацию по социологии защищать можно):

Ой, Вань, какие акробатики!
Смотри, как вертится нахал.

Жили мелочами, ничтожными интересами. Не забыть репортажа по Первому каналу в дни ГКЧП. Корреспондент спрашивает прохожего об отношении к происходящему. Тот, с хитринкой прищурившись, отвечает: хотел носки купить (они в ту пору были в дефиците) да решил повременить: установится порядок — цены снизятся. Вот что волновало население, когда решалась судьба СССР.

В. С.: В предисловии к антологии публицистики “Нашего современника” вы писали, что последние десятилетия в литературе — время публицистики. И это, безусловно, так. Я выскажу даже такую, быть может, кощунственную мысль, что не две чеченские войны, а именно патриотическая публицистика отстояла единство России после распада СССР. Но почему же за это время не возникло художественного произведения, которое потрясло бы души людей, заставило их осознать произошедшую трагедию как духовный, нравственный катаклизм, что будет иметь последствия для многих поколений?

А. К.: Благодарю за высокую оценку нашей публицистики. Чтобы читатели могли понять, какого масштаба это явление, перечислю всего несколько имён: Вадим Кожинов, Александр Зиновьев, Сергей Кара-Мурза, Станислав Говорухин, Игорь Шафаревич, Александр Панарин, Наталья Нарочницкая, митрополит Иоанн Санкт-Петербургский и Ладожский. Я бы не стал противопоставлять чеченские войны и русскую публицистику. Скажу по-другому: патриотическая литература мобилизовала общество на отпор бандитам в Чечне. Свой скромный вклад внёс и я. За что экстремисты грозили отрезать мне голову. Но были и приятные моменты. После выхода моей работы “Чечня. Первый несданный рубеж” в 1995 году Вадим Кожинов на праздновании дня Победы в редакции сказал, что статья ставит автора в тот же ряд, что и бойцов Великой Отечественной.

Вы правы — масштабного произведения о русской катастрофе конца XX века до сих пор не написано. Но ведь и “Война и мир” появилась почти полвека спустя после 1812 года. Первыми на катаклизмы откликаются поэзия и публицистика. Они схожи по степени открытости и откровенности авторской позиции. Для более обстоятельного осмысления произошедшего должна возникнуть

временная дистанция. И глубже, точнее — должен найти новое равновесие потрясённый мир.

В. С.: Со всей России в “Наш современник” присылают стихи и прозу. Вы всё-таки видите возможность появления масштабного художественного произведения о последних десятилетиях?

А. К.: Гадать, что будет, — занятие неплодотворное. Но первые подступы к осмыслению произошедшего намечены в поздних рассказах Валентина Распутина и его повести “Дочь Ивана, мать Ивана”. Своё слово о смуте сказали и молодые — Захар Прилепин в “Саньке” и “Патологиях”, Сергей Шаргунов в романе “1993”.

В. С.: Многие годы вы пишете свой “Дневник современника”. Это широчайшее публицистическое полотно, охватывающее мировую политическую историю первых десятилетий XXI века. Статьи “Дневника” вошли в книги “Симулякр, или Стекольное царство”, “Возвращение масс”, “Имитаторы”. Вы участвовали во многих спорах с теми, кто с противоположных позиций оценивает происходящее. Скажите, наши противники искренне верят в то, что говорят, или это выполнение некоего заказа?

А. К.: В 2015 году исполнилось четверть века, как я начал публикацию “Дневника современника”. Подсчитал: за это время напечатал полторы сотни статей и бесед с ведущими политиками России и ближнего зарубежья. Многие материалы “Дневника” полемичны, но ничто не сравнится со сшибкой лицом к лицу с оппонентом, как это происходит на телевидении. Был период, когда меня часто приглашали на ТВ, выступления вызывали отклик, люди подходили на улице, иной раз останавливали машину, чтобы пожать руку. Думаю, такая реакция объяснялась тем, что я говорил искренне, горячо. Запомнил споры с Гарри Каспаровым и Ириной Хакамадой. Она сказала: надо “хлестать” чиновников, но как-то ловко повернула мысль, так что вышло — “хлестать” надо русского человека. Я вскочил с места и воскликнул: “Если бы вы не были женщиной, я бы поступил с вами так, как вы хотите поступать с нами”. Тогда передачи шли в прямом эфире, и зрители услышали наш диалог. Но вряд ли они заметили, что Хакамада ближе к концу передачи ушла, чтобы не столкнуться со мной лицом к лицу. А ведь она в то время была вице-премьером, её наверняка сопровождали дюжие охранники.

Верят ли такие люди в то, что говорят? Почему нет? Либеральная догма — одна из самых деспотичных. Она порабощает своих

приверженцев. А вот журналисты, политтехнологи — те, по-моему, ни во что не верят. Когда я бился с ними на ТВ в 90-е, они превозносили Америку. Сейчас они же в первых рядах борцов с американцами. Изменится политическая конъюнктура — снова затянут им хвалу. Не покраснеют! Профессия такая.

В. С.: Очень хотелось бы расспросить вас о Дмитрие Балашове, Валентине Распутине, Владимире Солоухине, Вадиме Кожинове, Александре Панарине, Татьяне Глушковой. Ваши впечатления о них как о личностях. Как состоялись публикации их произведений? Особенно “Пирамиды” Леонида Леонова, “Дневников” Георгия Свиридова, “России распятой” Ильи Глазунова, “Русофобии” Игоря Шафаревича, работ Кожинова и Панарина.

А. К.: Каждый из названных вами авторов — целый мир. Не случайно в “Нашем современнике” ввели рубрики “Мир Кожинова”, “Мир Леонова”. Проще рассказать о публикациях. “Пирамиду” Леонова и книгу Глазунова готовил к печати Геннадий Гусев, другой заместитель главного. Одно время он работал в ЦК и, кажется, ко всему привык, но даже такому человеку с Леоновым и Глазуновым было непросто. Леониду Максимовичу было за 90. Он жил один, почти ничего не видел и, не зажигая света, бродил ночами по дому. Время от времени что-то записывал. После чего в квартире Гусева раздавался звонок — в два, три, четыре часа ночи: “Геннадий Михайлович, на странице 564 третий абзац сверху (Леонов диктовал по памяти) вместо слов... впишите...”

Отрывки из “Дневников” Свиридова подбирал главный редактор Станислав Куняев.

“Русофобию” Шафаревича, статьи Кожинова и Панарина готовил я. Впрочем, что значит — готовил? Сначала нужно было привлечь этих выдающихся мыслителей, завоевать их доверие, только тогда вставал вопрос о публикации. Шафаревич появился в редакции в 1988 году. В мой кабинет вошёл человек лет пятидесяти, с красивым умным лицом. Никогда прежде я не видел такой выразительной интеллектуальной красоты. “Игорь Ростиславович Шафаревич”, — представился вошедший. Я встал с кресла. Конечно, я знал о нём. В моём книжном шкафу стояла десятитомная Малая советская энциклопедия, где в статье о математике в СССР говорилось о Шафаревиче. К моменту выхода энциклопедии ему было всего тридцать шесть лет. Тогда же он получил Ленинскую премию.

Игорь Ростиславович предложил в журнал повесть своего друга Леонида Бородина, русского диссидента, только что выпущенного из заключения. Повесть — это была “Третья правда” — я взял и попросил материалы самого Шафаревича. Я назвал “Русофобию”, которую

читал в зарубежном издании. “Да что вы, — он даже рукой взмахнул, — кто же её напечатает!” Но я настоял, и знаменитая работа двумя подачами (это особая история) в 1989 году вышла в “Нашем современнике”.

Александра Панарина я привлёк в журнал поздно — за три года до его смерти. Каюсь — до этого я не знал работ этого выдающегося философа и политолога. Мне рассказал о нём Леонид Бородин, ставший главредом “Москвы”, где печатался Панарин. Мы с Бородиным ездили по Китаю, выступая в крупных университетах. Он рассказывал о своём журнале, я о “Нашем современнике”. Конечно, я говорил о Валентине Распутине, Василии Белове, Евгении Носове. “Но это же и наши авторы, — кипятился Бородин, — почему Вы присваиваете их?” Что ответишь? Что все свои повести, кроме одной, самой ранней, Распутин опубликовал у нас, а в “Москве” лишь несколько рассказов. Что именно в “Нашем современнике” Белов напечатал романы “Всё впереди”, “Час шестый”. Что лучшие произведения Евгения Носова - “Красное вино Победы”, “Усвятские шлемоносцы” - вышли в нашем журнале. Историю не перепишешь, литературную в том числе. К концу поездки отношения с Бородиным накалились. Леонид Иванович решил нанести последний удар. “Ну, что у вас за публицистика? — запальчиво произнёс он. — А вот у нас Панарин, Неклесса, Фурсов”. “Кто самый талантливый?” — спросил я. Бородин не раздумывал: “Панарин”. “Уведу!” — столь же запальчиво пообещал я. И вернувшись в Москву, позвонил философу. Вскоре Панарин стал нашим ведущим автором.

Кожинов привёл меня в “Наш современник”. Но после грандиозного скандала с публикацией его спорной статьи в нашем журнале Викулов вычеркнул его из числа авторов. Я продолжал общаться с Вадимом Валериановичем. Узнал, что он написал развёрнутый отклик на нашумевший роман Анатолия Рыбакова “Дети Арбата”. Мы уже напечатали две статьи о романе, к тому же главный слышать не хотел о Кожинове. И всё же мне удалось убедить Викулова и статью опубликовать. Она принесла Кожинову славу ведущего политического публициста.

В. С.: Вы много работаете с молодыми — читаете рукописи, разбираете произведения на семинарах. Кого из наиболее интересных авторов могли бы сейчас отметить?

А. К.: Недавно в редакцию пришло письмо. Автор, учительница, благодарит меня за то, что я познакомил читателей “Нашего современника” с рядом молодых авторов, начиная с Захара Прилепина. Признаюсь — был тронут. Как правило, никто не задумывается: как, в результате каких усилий в журнале появляется тот или иной

автор. А ведь пробить публикацию молодого писателя — огромный труд! План свёрстан на много месяцев вперёд, в очереди люди известные и, что немаловажно, знакомые редакторов: с каждым обговорены сроки. И тут на тебе — молодое дарование! Значит, надо ломать план, объясняться со знакомыми, да ещё править текст (как бы ни был талантлив новичок, стилистических шероховатостей у него заведомо больше, чем у опытного писателя). А если “дарование” скажет что-то не соответствующее линии издания! Вот интересно, публикуем множество ярких материалов — в ответ тишина. Но стоит автору высказать спорную мысль (даже не на наших страницах), тут же письма, звонки: “А вы знаете, что сказал ваш хваленый?!”. Это сейчас “Наш современник” законно гордится сотрудничеством с Захаром Прилепиным. А сколько крови испортили мне бдительные товарищи! Сразу — не просто письмо в редакцию, а персонально на стол главному: “Так, мол, и так. Просьба принять меры”. Приходилось защищать в спорах, иной раз чрезвычайно резких.

Молодых надо не только напечатать. Ну, будет у них одна публикация, две. Это раньше: напечатали — “и наутро проснулся знаменитым”. Так было во времена, когда у журналов тиражи переваливали за миллион. А сейчас — печатайся сколько сможешь, головы не повернут, не заметят. Поэтому я лоббирую нашу молодежь: заказываю критикам статьи, вывожу на семинары, выдвигаю на премии. Кто-то цедит: хвалит своих. Отвечаю: хвалю не потому, что “свои”, они “свои” потому, что лучшие.

Конечно, хотелось бы видеть в молодых продолжателей моего дела. Как писал замечательный эстонский прозаик Арво Валтон в романе “Лекарь”: “Наконец пришло время, когда я серьёзнейшим образом озабочился тем, что мне надо где-то найти юношу или девушку, кому можно было бы передать свои знания и навыки”. Но вслед за эстонским мастером должен признать: эти надежды иллюзорны. Молодые ищут собственную дорогу, их не прельщает перспектива идти проторённым путём.

И всё же... Сгордостью упомяну об октябрьском номере “Нашего современника” за 2015 год. Я сам от начала до конца составил подборку молодых прозаиков и поэтов. Номер выпустили фантастическим по нынешним временам тиражом — 26 тысяч экземпляров! На вашу просьбу назвать интересных молодых перечислю авторов этого номера: прозаики — Андрей Антипин, Платон Беседин, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева, Дмитрий Шушарин; поэты — Марина Волкова, Антон Метельков, Кристина Кармалита, Полина Кондаурова, Елизавета Мартынова. Убеждён — вы не раз услышите эти имена.

В.С.: Расскажите о своих корнях, родителях, преподавателях. Кто из профессоров МГУ оказал

на вас особое влияние?

А. К.: Я рос среди книг. В нашей семейной библиотеке было несколько тысяч томов: дореволюционные издания Пушкина, Фета, Блока. Советские собрания классиков, книги по искусству, мемуары. В десять лет я просил отца взять меня с собой в научный зал Ленинки. Детей не пускали, отец говорил: “Оставить не с кем”. В четырнадцать я обходил букинистические магазины в поисках мемуаров. Литература, которую теперь называют нон-фикшн, всегда интересовала меня больше и представлялась куда занимательнее, чем романы.

Моя матушка всю жизнь писала стихи. Неплохие, на мой взгляд. В 40-е — начале 50-х она ходила в знаменитую литературную студию при издательстве “Молодая гвардия”. Среди завсегдагаев — Семён Гудзенко, Александр Межиров, Наум Коржавин, звавшийся тогда Манделем. Отец, крупный чиновник авиационной промышленности, тоже был не чужд искусству.

Я окончил литературный класс школы при Академии педагогических наук. Поступив в МГУ, целыми днями сидел в Горьковке — университетской библиотеке, чьё собрание книг не слишком уступало Ленинской, но было не так прорежено идеологической цензурой. Там я прочёл поэтов Серебряного века, русских философов — от Николая Бердяева до Льва Шестова, книги отцов Церкви. Не жалею, что променял факультет на библиотеку. В 70-е годы на журфаке оставалось не так много настоящих профессоров. Настоящими я называю тех, кому посчастливилось слушать дореволюционных лекторов. Хотя и у нас были выдающиеся преподаватели — Дитмар Розенталь, автор хрестоматийных учебников по русскому языку, Анна Абрамович, замечательный лектор, автор учебников по стилистике, Эдуард Бабаев, знаток поэзии XIX века, друг Анны Ахматовой — у него я писал диплом, Галина Белая — мой научный руководитель в аспирантуре.

Мог бы стать академическим учёным. Но тогда бы не пришёл в журнал. А без “Нашего современника” моей жизни не представляю.

В.С.: У каждого судьба, если он прислушивается к своему внутреннему зову, который у православных людей называется промыслом (так как они, и я в том числе, убеждены, что ничего в нашей жизни не происходит случайно), складывается так, как и должно это быть. И спасибо вам, Александр Иванович, что вы вняли этому зову и последовали в своём творчестве тем путём, каким и должны были последовать. Думаю, что в этом убеждены многие почитатели вашего таланта. И, конечно, спасибо за ответы на мои вопросы. Будем ждать ваших новых книг.

Беседу вёл Валерий СДОБНЯКОВ

**Белое море – Москва.
Август – декабрь 2015 г.**